

Цуй Дахуэй интуитивно почувствовал, что тот намеревается продать его лавку. Лицо его на миг исказилось от злости, он незаметно сжал кулаки и, уставившись на Цуй Се, произнес:

— Старший молодой господин еще мал и многого не понимает. Разве в таких семействах, как наше, распродают имущество? Стоит только начать, и управляющие с приказчиками потеряют дух, кто тогда станет работать на совесть? К тому же вы еще слишком молоды, и не вы один заправляете домом...

Цуй Се кивнул:

— Дом действительно принадлежит не мне одному, и я не стану делать выводы лишь из пары ваших слов. Я же сказал: пятилетний план. Каждая лавка подготовит подробный отчет. Я передам его на рассмотрение старому господину, госпоже Сун, второй сестре, третьему брату и наложницам. Оставим только те лавки, которые одобряют все.

Увидев, что приказчики стоят в полном ошеломлении, он просто велел слуге Сунъяню принести кисть, тушь и разлинованную бумагу. Цуй Се вывел для каждого название лавки, состояние здания, адрес, остатки товаров, количество служащих, ежедневный поток покупателей, годовой доход, кредитные обязательства, задолженность за товары, жалованье работников, непредвиденные издержки и прочие пункты. Затем он велел им вернуться, вписать цифры по этой форме и на их основе спрогнозировать работу на ближайшие пять лет.

Трое управляющих с кислыми минами запричитали:

— Как же можно рассчитать это точно? Никто не знает, что произойдет через пять лет. Если мы укажем больше или меньше, а потом доходы не совпадут, мы не сможем взять на себя такую ответственность.

Цуй Се ответил:

— Что будет потом — дело будущего. Сейчас я просто прошу вас написать план. Если вы отказываетесь его составлять, значит, у вас нет желания работать. Тогда пусть главный управляющий просто подберет в лавки тех людей, которые готовы составить план...

— Не нужно! — в один голос воскликнули приказчики румяной и шелковой лавок. — Старший молодой господин, не гневайтесь, мы всё сделаем! Мы сумеем сделать!

Цуй Дахуэй из лавки южных товаров попытался было еще возразить. Сжав зубы, он проговорил:

— Старший молодой господин лишь считает, что лавка южных товаров медленно приносит прибыль. Но ведь две другие лавки зависят от наших людей и судов, доставляющих туда и обратно первоклассные товары, которые поддерживают лицо торговли. Если вы будете думать лишь о том, как сэкономить, и пожалеете денег на дорогу, вам придется торговать лишь старыми товарами из столицы, и многого вы не заработаете!

Цуй Се сказал:

— Я занят учебой и не могу ходить по лавкам. Завтра принесите мне по несколько образцов лучших товаров из каждого магазина, я посмотрю на их качество.

С этими словами он перевел взгляд на главного управляющего и спокойно распорядился:

— Раз приказчик Цуй Дахуэй не умеет составлять план, найди кого-нибудь, кто сделает это за него. Все необходимые цифры пусть пересчитают люди в лавке, а показатели на следующие пять лет пусть рассчитают на основе предыдущих данных. Всё должно быть написано ясно и просто, ведь смотреть будут все члены семьи.

Главный управляющий увидел шанс прибрать лавки к рукам и, невзирая на перекошенное лицо Цуй Дахуэя, расплылся в улыбке:

— Молодой господин, не извольте беспокоиться, я лично прослежу за этим, всё сделают в лучшем виде.

Цуй Се кивнул:

— Спешить не нужно, пусть работники лавки помогут. Сдадите через десять дней.

Раздав поручения по оценке имущества, он отпустил управляющего, приказчиков и слуг, а сам уединился в малом кабинете, разложив бумагу для рисования.

За время жизни в столице он уже подготовил в голове несколько набросков, но боясь, что Цуй Цюэ прознает об этом и вновь создаст проблемы, не брался за кисть. Кое-как дождавшись отбытия этого почтенного господина к месту службы в Юньнань, он не хотел больше тянуть. Достав бумагу, обрезанную строго под размер книги «Троецарствие шести гениев», он сначала наметил рамку с помощью линейки, вывел линии перспективы заднего плана, расставил мебель в соответствии с законами перспективы и начал писать Картину «Чжоу-лан харкает кровью».

Этот рисунок он мысленно продумывал бесчисленное количество раз. Когда он взялся за дело, каждый штрих ложился на одном дыхании, не требуя ни малейшей правки. Скорбное и полное нерастраченных сил выражение лица Чжоу Юя, харкнувшего кровью, и полный глубоких чувств взгляд Младшей Цяо расцветали под его кистью. Он слегка изменил композицию, заставив Младшую Цяо стоять подле Чжоу Юя и протягивать руки для поддержки: их пальцы едва соприкасались, передавая ощущение угасающих сил умирающего Чжоу Юя.

Цветная печать требовала простого нанесения красок — ровными слоями. Поскольку Цуй Се находился не в Цяньани и не мог дожидаться пробного оттиска, чтобы лично объяснить резчикам, как скорректировать цвет, он взял другой лист бумаги, разбил рисунок на отдельные цветовые блоки и послойно разметил оттенки, отдельно прописав, где печатный эффект должен быть мягче, а где — более жестким.

На одну такую картину ушло почти вдвое больше времени, чем обычно. Но если мастера сумеют напечатать иллюстрацию строго по его требованиям и не придется гонять гонцов из Цяньани с образцами для сверки цвета, это сэкономит кучу времени.

Разумеется, самым лучшим решением было бы перенести книжную лавку прямо в столицу. Однако все резчики и печатники в «Цзюаньчжай» были местными уроженцами Цяньани и вряд ли согласились бы на переезд.

Сейчас ему больше всего хотелось прибрать к рукам торговый путь между севером и югом, наладить связи и пригласить из южных краев опытных и умелых мастеров, закупить подходящие печатные доски и открыть в столице флагманский магазин «Цзюаньчжай». Тогда столица, Тунчжоу и Цяньань замкнулись бы в единую сеть, что не только упростило бы перевозку товаров, но и позволило бы обмениваться печатными досками, значительно ускорив процесс печати.

Когда книг станет больше, можно будет по этой проверенной и безопасной торговой дороге отправлять цветные издания на юг, а на обратном пути привозить полные трюмы южных новинок...

Прохладный ночной ветерок из окна слегка остудил его пыл. Послезавтра наступит день отдыха, малыш Цуй Ци, должно быть, придет навестить его в Гоцзыцзянь. Лучше выбросить из головы лишние мечты и нарисовать еще пару набросков, чтобы отдать ему.

И при свете лампы он сделал контурный набросок сцены, где Спящий Дракон оплакивает Чжоу Юя, а на рассвете быстро нанес цвета. К счастью, в траурном зале все были облачены в белое, гамма оказалась простой, и вместе с разделением на печатные формы работа заняла чуть больше одного шичена.

В этот день Цуй Се впервые официально отправлялся на занятия, да еще и попал на общую лекцию докторов. Не смея опоздать, он выехал из дома за полчаса, промчался по улицам столицы со скоростью велосипеда и вошел в лекционный зал за время, необходимое для одной чашки чая до начала.

Утреннюю большую лекцию вел сын Фэй — Фэй Инь, а темой служило толкование главы «Мэн-цзы: Ли Лоу».

Сын Фэй был всего на несколько лет старше господина Линя, однако уже имел степень хуэйюаня, обладал глубочайшими познаниями и в преподавании значительно превосходил господина Линя. Занятия он вел не просто зачитывая канонические комментарии сунских книжников, а щедро цитировал каноны и исторические хроники — каждое его слово и фраза имели четкий исток, отчего у слушателей возникало ощущение, будто и они сами прикоснулись к столь великим знаниям.

Цуй Се достал самодельный угольный карандаш и принялся конспектировать, жалея, что не может записать всё до единого слова. Какая досада, что в эту эпоху не было ни презентаций, ни черных досок! Будь у преподавателя возможность писать на доске, а у учеников — переписывать, насколько бы это облегчило жизнь!

Когда он станет директором Гоцзыцзянь, то непременно прикажет оборудовать черными досками все лекционные залы и учебные залы!

Дав себе мысленную клятву, он стал писать еще быстрее и размашистее. Знакомые каноны он обозначал лишь первыми и последними словами фразы. Доходя до незнакомых терминов, он едва удерживался от желания перейти на горизонтальную строку для ускорения. Но заметив, что сидевшие рядом ученики уже с любопытством посматривают на него, да и сам сын бросил в его сторону пару взглядов, Цуй Се не посмел проявлять лишнюю оригинальность и послушно продолжил писать вертикальными столбцами.

Сын Фэй красноречиво вещал целое утро, вовсе не пользуясь конспектами: все знания хранились в его голове, и даже самые редкие исторические факты он цитировал с непринужденной легкостью, ни разу не запнувшись и не задумавшись. К концу занятий на его лице не заметно было и тени усталости. Взмахнув широким рукавом, он грациозно сошел с возвышения и объявил о завершении лекции.

Ученики, разумеется, не смели сразу разойтись — они поднялись со своих мест, чтобы с почтением проводить его. Лишь один юный ученик последовал за ним.

Цуй Се скромно затерялся в толпе, провожая наставника, как вдруг сые, проходя мимо, неожиданно остановился. Он взял его конспектик и угольный карандаш, бегло оглядел их и спросил:

— Ты сейчас записывал всё подряд? Не боишься, что из-за слепого переписывания упустил суть моих объяснений?

Писать конспекты на уроках — давняя привычка любого прилежного ученика, иначе с чем потом готовиться к экзаменам? Прежде на занятиях у господина Линя он делал точно так же, и тот никогда его не поправлял, так что Цуй Се просто действовал по привычке. Он и не подозревал, что сые Фэй останется этим недоволен.

Перед учителями он всегда держался с полным почтением, поэтому, склонив голову, объяснил:

— Ученик не обладает глубокими познаниями. Слушая объяснения сые и встречая то, чего не знаю, я лишь стремлюсь записать это, чтобы потом спокойно во всем разобраться. Боюсь, если не запишу сразу, то потом просто забуду.

<http://bllate.org/book/18372/1761346>